

С. А. ГОЛОВАНЕНКО

Педагогические идеи Федорова

Николай Федорович Федоров (1813¹—1903), мало известный как мыслитель, по-видимому совсем неизвестен как мыслитель-педагог. Значение Федорова как мыслителя, как создателя «философии общего дела» вполне намечается отзывами Л. Толстого и Достоевского. Толстой, гордившийся тем, что он современник «великого старца», «нашей совести», — изумляется глубине и оригинальности идей Федорова. Достоевский, познакомившись с одной из рукописей Федорова, — взволнованно запрашивает в письме: «Кто этот мыслитель? Если можете, сообщите его настоящее имя. Он слишком заинтересовал меня» (Письмо Петерсону, 1878 г.).

Н. Ф. Федоров, сын крепостной от князя Гагарина, получивший блестящее образование, был в течение четырнадцати лет (1854—68) учителем в уездных училищах, между прочим, и в Ярославской губернии, в городе Угличе. Как учитель-теоретик, как проповедник идеи трудового воспитания — Федоров должен занять определенное место в истории русской педагогики. Выделяя из общего его мировоззрения, запечатленного в посмертно изданной двухтомной «Философии общего дела», — моменты светски-педагогические, — мы можем свести их к одному тезису: педагогика Федорова — по своим предпосылкам, идеалам, методам — является педагогикой социальной, педагогикой общего дела, — педагогикой коллективного труда. Гадательно можно предполагать, что педагогические взгляды Федорова слагались в атмосфере идей Конта и утопистов, Песталоцци и Фребеля^{*2}.

* Федоров Н. Ф. Философия общего дела. Т. 1, 1906. Верный; Т. 2. 1913. Москва; В. А. Кожевников. Н. Ф. Федоров... Н. П. Петерсон. ««Философия общего дела» [в противоположность учению Л. Н. Толстого “о непротивлении” и другим идеям нашего времени]».

По биopsихологической своей конституции Федоров, по-видимому, был человеком двигательного, мускульного типа. Его внешняя подвижность сочеталась с богатой внутренней динамикой. В тоне души его, жизненно-трезвой, есть что-то от шестидесятых годов. Жизнь для Федорова — не барство и не рабство, а дело, работа, творческий добровольный труд. Казалось бы, что богатая энергией творящая природа должна была привлекать Федорова — проповедника непрестанной деятельности. Ведь природа — система энергий, неисчерпаемы ее рождающие недра, иногда удивительно-экономны ее работы! Между тем Федоров — резкий противник всякого натурализма: он раскрывает ядовитые пары «природной» романтики, он борется со всеми утонченными формами «природного» идолопоклонства. Что такое природное, прирожденное? Все — даровое, нетрудовое. Может быть, борясь с «даровой» княжеской наследственностью, может быть, вспоминая социально-даровые детские годы, Федоров и в личной жизни, и в своем общем мировоззрении, и в своих педагогических взглядах не хочет обосновываться на даровой природе, на прирожденном. Природа — слепая, малоорганизованная стихия: она капризна, разрушительна, смертоносна. Природа со своими чарами, со своим внешне-роскошным убором — самый опасный, самый коварный, самый соблазнительный враг человека. Она не только действует извне — она нападает изнутри: анархией бессознательного, слепотой инстинктов она опьяняет человеческое сознание даровыми благами, она извращает его назначение. Надо осознать, что все даровое — материал для работы, что «природа не храм, а мастерская». Пусть человек сейчас раб природы, ее детище, — но в нем есть скрытые силы, требующие от него борьбы с природой. Назначение человека — стать организатором, хозяином внешней и внутренней природы. Человек, заняв когда-то вертикальное положение, выделившись тем самым из мира животных, — впервые как бы разглядел чары природы, приподнялся над ними, восстал против них. Человек активен, но его рабочая активность, сравнительно с работой природы — трезва, планомерна, организована. Природа слепо рождает, слепо творит. Человек работает, сознательно трудится. Труд отличает человека от природы, труд создает человека. Всякий труд — ценен, дорог. Смысл человеческой жизни в трезвом творческом труде. Федоров всей своей будничной жизнью подтвердил свою веру в бесконечную ценность труда, показал возможность и необходимость добровольного, свободного,teleologически-осмыслившего труда. В жизни человека непрестанно борются две силы — природная, даровая, слепая и человеческая, трудовая, зрячая: сознание противостоит всему бессознательному. Что такое сознание? Сознание означает возможность планомерно, целесообразно организовать природно-бессознательное, то есть трудиться. Сознание и труд —

два момента одного и того же творческого процесса: сознание всегда трудовое сознание. И генезис, и строение, и назначение сознания в труде. Смысл же труда — в преображении всего дарового в трудовое, бессознательного в сознательное; смысл человеческого труда в регуляции природы. Так как труд — единственная вполне надежная сила жизни, так как труд, создатель ценностей, единственное достоинство человека, — то отсюда намечается первая педагогическая предпосылка Федорова: смысл воспитания не в освобождении природно-бессознательных сил личности, а в их организации, в развитии свободного трудового сознания. Личность не темперамент, а характер; не подарок природы, а продукт труда. Надо воспитать «трудовую» личность. Но говоря о трудовом сознании, не следует уравнивать его с узким индивидуальным, эгоцентрически-настроенным сознанием. Всегда были защитники одинокого Я — от софистов до Декарта с его первичным «я сознаю», от Декарта до Штирнера и Ницше. Трудно найти наиболее искреннего, наиболее фанатичного противника голого себялюбивого индивидуализма, чем Федоров, который решительно отвергал всякий индивидуализм, начиная от философского и кончая политическим, отвергал все индивидуалистические методы жизни, труда, мысли. В своей «Философии общего дела» он раскрыл индивидуалистические замыслы западноевропейской философии, показал ее связь с западноевропейской капиталистической культурой. По мнению Федорова, индивидуальное сознание — орудие, посредник, орган сознания общего. Всякая истинная мысль ничья, общая, коллективная. Всякое творчество безымянно, анонимно. Автор — восприемник, проводник, воплотитель. Свою жизнью Федоров подтвердил свои мысли. Добровольный бедняк, почти нищий, противник всякой собственности, — избегавший славы, печатавшийся анонимно, — он боролся против духовного индивидуализма, против всяких претензий на право духовного авторства, считая духовную собственность худшим видом собственности. Он обличал Толстого за двуличие. «Этого неутомимого радикала и нетерпеливого обобщателя нельзя было удержать на полдороге к цели, убедить хотя бы и в печальной неизбежности полумер, хотя и в досадной необходимости постепенности» (Кожевников). Для Федорова главное не «Я», а мы, не «мое», а наше, общее, общечеловеческое. Такой человек не мог быть защитником эгоцентрической личности. Теоретически осмысливая свой «коллективизм», Федоров находил подтверждения всюду. Самое слово «сознание», как показывает этимология, социально: сознавать значит содействовать, соболезновать, сорадоваться, сотрудничать, сосуществовать. «Я сознаю» — таит в себе противоречие, «я сознаю» — не первичное переживание, а плод отвлечения. «Я сознаю» — это значит «я сосуществую»: наряду с я есть ты, они, все мы. И первично всякое сознание было сознанием

общим — семейным, расовым... Отдельная личность осознает себя членом семьи — сыном, дочерью. Отдельная личность в процессе труда осознает себя членом того или иного коллектива. Отдельная здоровая личность стремится стать членом большего коллектива, стать сыном человечества. Таким образом, всякое индивидуальное сознание и по генезису, и по структуре, и по тенденции — соборно, коллективно. Значит ли это, что Федоров, борясь с узостью, с односторонностью эгоцентрического сознания, отрицает трудовую личность как нечто самоценное? Федоров, наоборот, защищает самоценность трудовой личности. Во имя чего он мог бы ее отрицать? Во имя все-сливающей бессознательно-стихийной природы? Так как в личности скрыто и явно царит даровое, природное, так как личность, под влияниями слепо-биологическими, стремится объявить себя единственным центром, — то Федоров своей критикой призывает к борьбе с даровыми, с бессознательными в личности. После проветриваний, после отрицаний остается личность, сама себя создающая, личность трудовая. Общее коллективное сознание не слепая смесь, не нейтрализация личности, а организованный коллектив, все-единство лиц, собор личностей, проникнутых одними общечеловеческими стремлениями. Задача личного сознания заключается в том, чтобы в себе и вне себя преобразовать все даровое в трудовое. Идеальное личное сознание — это сознание обще-трудовое, входящее во всеединство, управляющее в коллективе всеми стихиями природы. Если человек вообще или одинокий человек — пустая абстракция, если человек всегда сочеловек, если труд всегда то или иное сотрудничество, — то отсюда намечается вторая педагогическая предпосылка Федорова: необходимо воспитать личность, понимающую смысл своего бытия в общем деле, в общечеловеческой работе.

В истории педагогической мысли «общее дело» часто истолковывалось по-разному, часто под именем всечеловеческого идеала скрывались групповые притязания. Федоров, вскрывавший язвы современной ему капиталистической культуры, стремился, вслед за утопистами, найти действительно всеобщее дело, в котором были бы заинтересованы и богатые и бедные, и ученые и неученые, и горожане и сельчане. Он хотел создать универсальный проект вселенского дела. Источники этого проекта уводят в детство, теряются в его темных впечатлениях. «От детских лет сохранились у меня три воспоминания: видел я черный, пречерный хлеб, которым (говорили при мне) питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал я с детства объяснение войны (на мой вопрос о ней), — которое привело меня в страшное недоумение: на войне люди стреляют друг в друга. Наконец, узнал я не о том, что есть неродные, чужие, а о том, что сами родные не родные, а чужие». Федоров под влиянием своих детских, никогда не умиривав-

ших, интуиций ясно поставил вопрос: откуда голод, бедность, войны, неродство? Этот вопрос был для него вопросом жизни, вопросом актуальным. И путь для ответа намечался сухой, трезвый, реальный. Надо в корнях победить голод, войны, неродство; надо реально решить вопросы — продовольственный, военный, санитарный. Смысл жизни во всеравенстве, всебратьстве, источники жизни во всеродстве. Родство трудовое является высшим выражением всеединства. В понятии всеродного единства нет ничего таинственного, мистического: под ним мыслится чувственно-реальное согласие всех, мир всех, сознательно-трудовое братское единство всех. Если общее дело всеродства не таит в себе скрытых провинциальных устремлений, если гармония всех не иллюзия, а реальная задача, — то в них идеал жизни, в них, по Федорову, идеал педагогический: надо воспитать борца с бедностью, с войнами во имя всеродства, всеединства. Трезвость педагогического идеала, обоснованного педагогическими предпосылками, явно обнаруживается в рациональной методике воспитания. Федоров, вслед за Кантом, полагал, что знание — лучшее и самое надежное орудие жизни; вслед за Сократом и параллельно с шестидесятниками и Толстым думал, что знание непосредственно переходит в дело, что знание есть добро. Ведь подлинное знание, как модус трудового сознания, жизненно по происхождению, по структуре, по целям. Ведь знание, как организатор бытия, является и орудием жизни и ее ценным выражением. Федоров задолго до американских pragmatists был глубочайшим pragmatistом: он pragmatically, practically оценивал стоимость знания научного и философского. Наука для него — средство в борьбе за жизнь. Он бичевал современную науку за ее отход от жизни, за ее обособление, теоретичность, бесцельность, бездельность. Попытки оправдаться ссылкой на служение истине, лозунгом — наука самоцenna, — сплошное недоразумение. Истины в себе, чистого знания нет, не должно быть: это теневидные абстракции. Всякая истина — истина о жизни, всякое знание — знание чего-либо и знание для чего-либо. И защитники чистого знания, думая, что они служат истине, — служили зачастую роскоши, превращали Университет в пристройку к фабрике. Истинная наука служит общему делу борьбы за полноту жизни. «Истинная наука есть действие, вызываемое любовью; только тогда она переходит в действие, в ней сочетаются в могучее целое и ум, и чувство, и воля». Больше иллюзий скопилось в пределах философского знания. Философское знание то превращалось в игру абстракциями, в идеолатрию, то становилось игрушкой бессознательных сил, [обращалось] в идолопоклонство природе. Истинно-философское знание должно быть трезвым, но не отвлеченно-рационалистическим; должно быть живым, творческим, но не мистическим; должно быть не субъективным и не объективным, а проективным. «Философия... есть на-

ука о родстве и неродственности. Родство и неродственность самые полные, самые конкретные понятия; от них можно лишь отвлечь, обезличивать; можно, так сказать, обращать их в призраки, в тени, в идеи; пополнить же их невозможно». Философия — это проект объединения всех людей, проект общего дела. В целом научно-философское знание как проект лучшей гармоничной жизни должно помочь торжеству жизни над смертью, космоса над хаосом, сознания над бессознательным. Так как эмоции осмысливаются в повышении жизненных энергий человека, так как энергии кристаллизуются в воле человека, так как воля определяется действием по разумным целям, так как цель есть творческая проективная мысль, — то фокусом педагогических методов является живое знание: воспитание, в сущности говоря, есть образование, нахождение. Тем более что причина всех бед кроется в незнании единственного врага — природы: познание природы дает ключ к ее регуляции и тем самым разрешит все больные вопросы человеческого рода. Если так, то все должны быть познающими: всеобщее образование обязательно. Ввиду общих целей познавание должно быть общим, коллективным: все познают все общими усилиями, сообща. Отсюда же следует, что все друг друга воспитывают, что каждый должен выполнять педагогические функции: все просветители, все учителя, все воспитатели. Федоров вполне ясно осознал всю необходимость, всю мощь так называемого внеклассового образования. Его можно назвать теоретиком, философом внеклассового дела. Внеклассовое, повсюду просвещение в самых разнообразных формах им провозглашалось, проектировалось, приветствовалось. Из форм внеклассового просвещения Федорова привлекала работа в музее и библиотеке. Он, после невольного оставления педагогической деятельности, работал в музеях и библиотеках Москвы, и в своих статьях осмысливает все значение музея и библиотек как проводников просветительных задач. Защищая всеобщее образование, обличая всякую, и тем более ученую корпоративность, Федоров видел в Музее подлинный живой Университет, подлинный Народный Университет, подлинное орудие всеобщего, всем нужного, действенного просвещения. Речь идет не о музеях, каковы они есть, а о Музеях, каковыми они должны быть. Прежде всего, Музей воплощает в себе проективное, живое синтетическое знание. Он учит вещами, объектами; учит наглядно. Он возбуждает эмоции, настраивает волю. Он, как живая энциклопедия, отвечает всем запросам. «В музее, верном своему назначению, все три способности души — ум, чувство и воля объединены в памяти»³. Будучи живой памятью, связывая настоящее с прошлым, — Музей не должен быть только кладбищем: он должен звать в будущее. Просвещая и воспитывая, Музей вместе с тем является своего рода научным ка-

бинетом, исследовательской лабораторией, политехникумом. Он — центр исследования местного края. При нем научные станции, обсерватория, все способы экспериментирования. Федоров, предвосхищающая современность, высоко ценит местные, краевые музеи: он один из ярких защитников краеведения вообще.

Он мечтал о том, чтобы каждое местечко имело свой музей, свой центр просветительных энергий. При музее мыслится библиотека. Сам Федоров был идеальным библиотекарем, библиотекарем нового стиля. Он был не только преданным своему делу работником, не только знатоком каталога и книг, — но всегдашим учителем, на все готовым руководителем, — инструктором-доходником, инструктором-организатором коллективной научной работы. Книжное хозяйство не было для него мертвым: библиотека чувствовалась как стройный организм, как источник жизненных энергий. Федоров любил, чувствовал книгу: книга для него не мертвая вещь, а конденсатор сил: «под книгою кроется человек»⁴. Ценна всякая книга: как низшие организмы помогают понять организм высший, так самые простые, не гениальные, не талантливые работы важны для понимания гения, таланта, для понимания путей жизни. Федоров был книжником в самом хорошем смысле слова. Ведь «книга, как выражение слова, мысли и знания, занимает высшее место среди памятников прошедшего; должна она занимать его и в будущем»⁵. Нисколько не удивительно, что Федоров старался внушить уважение к книге, старался создать лучшие методы знакомства с книгой. Он высоко ставил правильно поставленную библиографию, вдумчиво относился к системе каталогизации. Особенное внимание его привлекала библиотечная карточка. Она, по его мнению, должна давать облик всей книги, ее анатомию и физиологию, ее душу, ее программу: она должна быть «зерновкой», зерном книги. Федоров проектировал календарный план выдачи книг. Если добавить, что он поощрял взаимопомощь, коллективность работы, что он проповедовал необходимость международного книжного обмена, то во весь рост встанет перед нами образ одного из незаметных, но на самом деле великих работников просвещения. Ведь Федоров предвосхитил намечающийся сейчас образ библиотекаря-инструктора. Проповедуя необходимость массовых библиотек, библиотек местных, краевых, он верил, что книга — могучее средство внеклассового образования. Итак, внеклассовое образование через местные музеи и библиотеки должно быть тесно связанным с жизнью; должно охватить всех, поскольку хозяином жизни является сознательно-организованный трудовой коллектив.

Хотя Музей и библиотека являются школой для всех, но это, разумеется, не исключает школы в тесном смысле слова, школы

жизни, школы общего труда. Школа — лаборатория настоящей жизни. Школа — проект жизни грядущей. В школе выковывается новая трудовая личность, проникнутая идеалом общего дела. Если труд — правильный метод жизни, если смысл труда — в общем деле, в установлении всеединства, то из всех возрастов возраст детский является наиболее антропологически-естественным, наиболее естественно-идеальным. Руссо чувствовал правду, утверждая нормативность природы ребенка. Только естественная нормативность этой природы дана не в анархии бессознательного, а в чувстве родства, в сознании семейности, в любви. Руссо нужно преломить в Фейербахе. Дитя предчувствует идеал жизни неясно, не дифференцированно: для него все — родные, все отцы, дяди, тетки. Дитя никогда не индивидуалистично. Если искать в антропологических данных проблесков грядущего идеала, — то остается утверждать, что идеал не в человечности, не в вечной мужественности или вечной женственности, — а в «детственности»: «детственность есть абсолютная родственность»⁶. Поскольку ребенок несет в себе энергии грядущего, его личность самоценна. Это не значит, что детская душа обоготворяется, что в ней дано все. Детское нужно охранять, развивать, восстановлять: нужно превратить его в сознательный идеал, нужно снабдить его трудовыми методами. Воспитание исходит из ребенка не в том смысле, что оно ориентируется по его чистой биологии, а в том смысле, что детственность, как родственность, выявляет все лучшее антропологических, социальных энергий личности. Задача воспитания — учесть естественно-социальное в родственности, организовать его в проект общего дела все-родства. Семейно-родственное сознание не уродуется, не разлагается, а расширяется до сознания родства народного, международного, всемирного. Школа должна быть «семьей», в школе должно выковываться трезвое сознание, что человечество — единая семья. Школа должна научить трудиться во имя общего дела. Из этих задач школы ясно, что школа должна близко стоять к жизни, что все родители должны быть заинтересованы в школьном строительстве. Учитель — заместитель родителей, несет с собой атмосферу доверия, дружбы, любви, родства: школа не юридически-построенное учреждение с точными механическими правилами, с гражданскими мерами взыскания, с нервирующими наградами и наказаниями. Федоров в своей учительской работе старался осуществить идеал учителя-воспитателя, о чем свидетельствуют воспоминания его учеников и частые перемещения по службе. Процесс воспитания Федоров понимал как процесс глубоко внутренний, глубоко активный: в сущности говоря, подлинное воспитание есть самовоспитание, самообразование. В самом деле, если сознание — в основе сознание трудовое, если знание, концентрируя в себе силу эмоций и движений, является знанием-делом, знанием проективным, то всякое развитие дос-

тигается трудом, трудом глубоко личным. Дело не в усвоении теоретических знаний, не в приобретении механических навыков, а в созидании собственного характера, в строении себя в сознательно-творческой работе. Так как стихии природы волнуют изнутри, расстраивают самочувствие, то прежде всего надо овладеть собой, стать хозяином своих психофизических, часто капризных, анархически настроенных сил. Эта внутренняя дисциплина, эта «психократия» — придает трезвый тон трудовому сознанию: трудовое сознание всегда организовано, всегда крепко. Рост трудового сознания и рост психократии — два момента единого процесса. Под руководством воспитателя растет и зреет личность ученика. Для точного руководства, для своевременной и полезной помощи необходимо правильно учитывать развитие ученика, его работы. Федоров требует реформы учета работы, ранее фиксировавшегося в приблизительных оценках отметками. Учет работы должен основываться на психофизиологии учитываемого. Учет работы не просто один из временных моментов пребывания ученика в школе. Если школа — школа жизни, то учет работы является научно-организованным определением возможного и действительного места данной личности в общей работе, в пределе — в общей работе человечества. Всякий должен по своим силам и способностям занять подобающее ему место у станка жизни. В связи с такой задачей учета всякой работы нельзя ограничиться внешними отметками, внешними приемами фиксации работы. «Когда ближайшей задачей школы будет раскрытие способностей и характеров учащихся, то есть определение, в чем и с кем из людей каждый может служить в общем деле, — тогда отметки о поведении и успехах будут выражением наблюдений наставника... дисциплина... опытным средством психологического исследования воспитанников»⁷. Работы учащихся, учитываемые с целями педагогическими, могут иметь и чисто исследовательское значение, — в качестве материала по психологии детства и юношества, в качестве исповеди человеческой души, находящейся в стадии роста и созревания...

Педагогический процесс не исчерпывается взаимо-общением ученика и учителя. Педагогический процесс является процессом социально-педагогическим: Школа — место взаимовлияний, школа — общество, где каждый воспитывает и воспитывается. Социальное взаимо-воспитание касается всех сторон личности: школа должна социальную настроить и ум, и сердце, и волю. Социальность, одухотворенная общим делом, — освещена, обоснована изнутри, укреплена детской непосредственностью, горячей искренностью. Федоров, вслед за утопистами и Фейербахом, мечтает о единстве людей, основанном на любви, на чистосердечии. Исповедь души школьника, запечатленная, в частности, в работах, в са-

монаблюдениях, — ставшая общим достоянием, «окажется для соучеников средством взаимознания»⁸. Лозунг школы, звучащий школьнику: не познай только себя, а «познайте друг друга», любите друг друга, трудитесь не только со всеми, но и для всех. В этом лозунге объединяются слово и дело, мысль и труд, теория и практика, объединяются в жизненном синтезе. Если личность целостна в себе, если целостность ее заключена в социальности, во всеединстве, если социальность личности реальная, трезва, добывается активным трудом, — то активность должна проникать весь дидактический процесс; тем более что живое знание — центр психофизиологических сил, их фокус, их организатор и прожектор, освещдающий грядущее. Так как живое энциклопедическое знание дается проективным музеем, — то школа должна стать школой жизни, школой активно-наглядного знания, школой-музеем, школой-лабораторией. Музей с естественно-исторической опытной станцией, с лабораториями и кабинетами, с библиотекой — это сердце школы, душа школы. Своеобразная идея «школы-музея» при ее расшифровке по существу оказывается не чем иным, как идеей трудовой школы. Конечно, утопические тона окрашивают «школу-музей» по-своему, но от этого не обесценивается как предвозвещение — идея новой школы, школы социальной активности, школы общественного труда. Задаваясь вопросами программного характера, Федоров, заботясь о целостности и жизненности образовательного материала, — разделяет живое знание на три отдела: законоведение, человековедение и природоведение. Никакая педагогика, никакая дидактика не может обойтись без тех или иных, пусть естественных имманентных норм. Законоведение раскрывает эти нормы, законы, принципы. Выделяя из общих принципов «Философии общего дела» — принципы светски-педагогические, мы можем свести их к одному: к закону всеродства как закону био-антропологическому. В идее всеродства, как искомого и трудом осуществляемого идеала, — завиты чаяния всех законов. Так как источник «культуры» — в человеческом обществе, в трудовом сознании человека, — то человековедение раскрывает процесс роста труда. Человек — абстракция. Человек как член семьи, общества — имеет свою местную родину, органически связан со своим краем. Человековедение — это краеведение. Надо изучать свою географию, свою местную историю, — исходя из наглядного, из непосредственно данного и постепенно переходя к познанию родины, отечества, к национальному человековедению и в пределе — к всеобщему человековедению. Человековедение постепенно воспитывает сознание живого всеединства, пробуждает трезвое историческое чувство, возбуждает энергию к работе для края, для родины, для человечества. Правда краеведение не факт, а проблема, не данное, а искомое. Федоров призывал к краеведческой работе, к составлению краеведческих ру-

ководств, пособий. Ведь отрицание или непонимание местного, этнографически и исторически-национального приведет в конце концов к бесплотному отвлеченному гуманизму, к поклонению теоретическим схемам, теневидным абстракциям. Ценные общие законы, но не менее ценна конкретная историческая, бытовая действительность. Связь с краем — залог действительного живого исторического познания, богатого эмоциями и волевыми импульсами. В частности, отстаивая краевое, национальное, — Федоров отрицал «классицизм», стоял за родной язык. Вслед за Ушинским, он видел в языке выражение народных сил, народного сознания. Он понимал все богество, всю красоту русского языка. В языке запечатлено все прошлое, и этнографическое и историческое: язык для истории то же, что палеонтология для геологии. Защищая родной язык в школе как один из залогов единства образованных и необразованных, интеллигенции и народа, — Федоров знал те дали, которые раскрывает сравнительное языкознание. Сравнительное языкознание освещает языковое и, так как язык глубоко социален, — культурное единство человечества, учит бороться с языковым местничеством. В итоге, человековедение выковывает живое сознание живой общности, общественности, общечеловечности; человековедение организует скрывающиеся в предчувствиях намеки на всеродство, всебратство.

Если теоретически законоведение и человековедение кажутся первыми, то практически первое место должно занять природоведение. Федоров никогда не был законником ни в какой области. Для него всякий принцип, всякая идея только проекты дела, работы, организации. Поэтому на самом деле всякий закон, рожденный жизнью, и поворяется ею, доказывается или опровергается. Высоко ценя человека, человеческое общество, которое является единственным проводником сознательно организованного творческого труда, — заботясь о целесообразной организации общественного труда, об его охране и продуктивности, — Федоров не упускал из своего внимания природы. Ведь общество — это коллективный субъект, возможный хозяин; ведь общество без объекта, без материала, без хозяйства — абстракция. Пусть человечество, дробясь на части, превращает их в материал, в объект: отсюда несогласия, борьба, общественный хаос. Заблуждение — смотреть на иную расу, на иную нацию, на иную общественную группу как на причину причин, как на источник благ и несчастий. Есть один материал, один объект — это природа. Неорганизованная, хаотическая, она — последняя причина всех социальных неустройств. Федоров с какой-то нервностью неоднократно изобличает коварства природы, неоднократно заявляет, что природа — единственный враг человека, человечества. И вместе с тем он не может оторвать своего внимания от

нее: в ней — богатые возможности, она — возможный друг человека. Это внимание не романтическое, а трезвое, деловое, высчитывающее выгоды. Ведь только хозяйственная эксплуатация природы может сделать человечество счастливым. Отсюда — великое значение природоведения вообще, в школе в частности. Федоров, не отличавшийся хорошим стилем, по душе не стилист, не словесник: он реалист, естественник, по душе шестидесятник. Познайте природу! Современная наука изучает природу непланомерно, дробно; производит частные лабораторные опыты. Зачем все это? Сама природа указывает смысл познания ее. Она несет неурожай, голод, болезни, смерть. Она дарит метеорические и иные погромы. Проблема ясна: надо познать природные причины расстройства внешней и внутренней жизни; надо поставить планомерные практические задачи научному исследованию. Познать природу необходимо для того, чтобы бороться с ней; изменить ее, стать ее полным хозяином. Смысл природоведения в регуляции природы. Федоров с большим интересом следил за всеми опытами регуляции природы — за борьбой с грозами, с засухой. Он мечтал, что в будущем человечество победит природу, организует ее по-своему, станет хозяином в мировых пространствах. Дело регуляции — дело всем выгодное, всем близкое, всем понятное. Все должны стать в той или иной степени борцами с природой: исследовательская всеобщая повинность когда-нибудь заменит повинность воинскую; в ней трансформируются военные привычки человечества. Школа должна быть снабжена всеми орудиями для изучения природы, для регуляции природы; школа — исследовательский штаб. Если познание природы является средством ее организации, — то ясно, что изучение природы должно быть лабораторным, практическим, активным. Природоведение мыслится в школах всех типов и всех районов. В сельской школе природоведение занимает исключительное место. Если город своей искусственной обстановкой заслоняет природу, то село всецело подчинено ее капризам. Село больше заинтересовано в ее регуляции. Сельская школа, благодаря обстановке, может скорее стать нормальной школой, школой труда, школой живого проективного знания. Итак, природоведение вместе с человековедением и законоведением — представляют собою не три механических столбца программы, а три момента целостного жизненного проекта образования.

В заключение следует отметить, что педагогические взгляды Федорова, внешне разбросанные в «Философии общего дела» и в этой статье систематизированные, — представляют собою нечто по существу цельное. Это взгляды того, кто по душе всегда был учителем, воспитателем. Это взгляды того, кто видел в воспита-

нии величайшее Синтетическое дело. Педагогика не философия и не наука, если под ними понимать системы абстракций, бездельных знаний. Она — истинная философия и наука, — как проект изменения бытия. Педагогика не искусство, если под ним разуметь создание копий бытия. Она единственное реальное искусство как проект преображения жизни. В целом же педагогическое дело и педагогическое слово Федорова проникнуты верой в силу сознательно-действующей воли, верой в мощь общего дела, общественного труда.

